

В начале 70-х, в период, когда все новое пробивалось с особым скрипом, выпускник ВГИКа Борис Грачевский взялся за такое хрупкое дело, как создание детского юмористического киножурнала, впоследствии названного "Ералашем". И вот уже двадцать лет он остается его директором и продюсером, а главное, как говорили раньше, идеальным вдохновителем: За это время сам Грачевский из тоненького мальчика превратился в солидного господина. "В дядьку", — говорит он сам про себя.

Борис ГРАЧЕВСКИЙ:

Всег кінод. - 1995. - 16 лют. - с. 7

С каким счетом канадцы проиграли шведам при Ватерлоо?

— Журнал "Ералаш" любят тысячи зрителей, и как обидно, что мы теперь так редко с ним встречаемся! Раньше его показывали в кинотеатрах перед началом сеансов...

— Я с вами не согласен. Сегодня очень четко наложена работа по распространению журнала "Ералаш" в кинотеатрах. Но, естественно, не в той старой форме, к которой все привыкли, когда перед фильмом давали журнальчик. Сейчас показываются блоки по 7–8 сюжетов примерно на час пятнадцать, на час двадцать, причем по всей стране. Я как раз недавно получил списки очередных прокатчиков, которые приобрели наш журнал. Они нужны мне для того, чтобы знать, куда он еще попал. И по телевизору он тоже идет.

— В "Ералаше" мне всегда импонировала скжата до предела драматургия. Сколько идет один сюжет?

— Обычно от двух до трех с половиной минут. Помните, у Чехова: краткость — сестра таланта. Каждая новелла "Ералаша" — это в принципе анекдот, поэтому они все разные и по-разному построены. Трудно за две минуты успеть все рассказать и показать. Но главная сложность не в том, как втиснуться в это время, а как сделать, чтобы было смешно. И работаем мы над этим уже двадцать лет. В общем, перед вами сумасшедший, который уже двадцать лет, не останавливаясь, рассказывает анекдоты.

— Теперь зайдем издалека. Как родился "Ералаш"?

— Режиссеру Алле Суриковой пришла в голову идея сделать "Фитиль" для детей. Правда, как пришла, так и ушла — Алла тут же о ней забыла и уехала в Киев ставить свой дипломный фильм. Но замечательный писатель и драматург Александр Григорьевич Хмелев и ваш покорный слуга придали этой идеи форму, нашли поворот, выверили состояние.

— У вас блестящие авторы. В титрах

стоят имена известных драматургов и режиссеров, в сюжетах снимаются замечательные актеры. Так изначально задумано?

— Дело в том, что с самого первого дня мы стояли на коленях перед нашими большими артистами, уговаривали их, добивались, чтобы они с нами работали. Именно поэтому наши сюжеты живут очень, очень долго. Например, благодаря Хазанову, которого я, видимо, первый предложил снять в кино еще в 1975 году (не в том знаменитом "итальянском" сюжете, а в еще более раннем, снятом по рассказу Лиони Измайлова), кинопленка будет вечной. В "Повести о первой любви" — блистательная работа Юрия Богатырева.

— Прелест ваших журналов еще и в том, что вы меняете местами детей и взрослых.

— Да, мы используем принцип перевертыша. Это одна из форм анекдота: муж говорит то, что положено говорить жене, и наоборот. Может быть, вы помните сюжет, где учительница (Татьяна Догилева) ругает ученика: "Ну все, Петров, мне это надоело!" А он ей отвечает: "И мне надоело. Завтра без родителей в школу можете не являться". На следующий день приводят учительницу в школу своего отца (Михаил Пуговкин), и Петров ему выговаривает: "Сама ничего не знает, все спрашивает, спрашивает у всех, все ходит, ходит целый день. А отметки какие, посмотрите! Кошмар! У меня двойка, у него двойка..." Такой разговор. Наоборот.

— А в другом сюжете в учительское кресло вы посадили известного всем Сидорова, маленького актера Сашу Лойе, который собрал в классе всех учителей и задает им вопросы типа: "При какой температуре кипит прямой угол?" или "С каким счетом шведы проиграли канадцам под Ватерлоо?". Взрослые отвечают плохо и выглядят очень глупо...

— Это еще один образец перевертыша. Я долго маялся с этим сюжетом. Написал, несколько раз переписывал. В конце концов остался им доволен, и, хотя он оказался чуть длинней положенного, у меня не поднялась рука его подрезать — так здорово там все играют.

— Все наши кинематографисты жалуются на отсутствие денег. А "Ералаш" дорогие?

— "Ералаш" снимаются даже дольше, чем обычные фильмы — этот жанр требует очень тщательной, кропотливой съемки. В общем, производство дорогое. На жизнь денег у нас, может быть, и не хватает, зато хватает на кино — помогает государство. Но мне кажется, что это скучные проблемы. Я не люблю, когда актер рассказывает, как он после съемки стоит в очереди за мясом или что дома у него перестали пол... Актер — это божество. Зритель вообще не должен видеть его без грима. Актер всегда должен быть шикарным, загадочным, непонятным.

— Благодаря вашему энтузиазму я поняла, что наши дети не останутся без хорошего короткометражного кино. Видимо, вы очень любите детей, иначе не выкладывались бы так.

— Я очень люблю детей и все смешное. "Ералаш" для меня — идеальное соединение. И еще я очень рад, что страна меня понимает. Но я искренне огорчен тем, что мои коллеги-кинематографисты относятся к нам, ералашникам, как к какому-то второму, третьему сорту. Получается странная вещь — зрители проявляют к нам потрясающий интерес, а коллеги наоборот. За двадцать лет существования "Ералаша" один раз мы дали интервью в "Кинопанораме", второй раз — в передаче "Иск". И больше никогда, ни один кинопредставляющий или издающий орган нами не заинтересовался. Наверное, это не самое главное, хотя все равно обидно.

— Известно, что вы очень бережно относитесь к тем уникальным, талантливым

нимает такое большое место в вашей жизни?

— Когда я еще не был женат, у меня было две теории воспитания детей. Сейчас у меня двое детей — и никаких теорий! Я всегда переживаю, когда с детьми обращаются несправедливо. С ребенком нужно разговаривать, не опустившись перед ним на коленочки и на корточки, а поднимая его до себя, на равных. Он наверняка намного умнее многих взрослых, этот ребенок. В одном древнем индийском трактате я вычитал фразу, которая меня потрясла: "Стайся с каждым ребенком быть предельно вежливым и внимательным. Еще не известно, с кем ты разговариваешь и кем он будет, когда вырастет".

— Вы прекрасно реализуете в своих фильмах то, о чем сейчас говорили. В них чувствуется это уважительное отношение к ребенку.

— Иногда я позволяю себе снимать "пограничные" сюжеты, которые находятся на грани детского и взрослого миров. Например, у нас есть сюжет, в котором мальчик моет стекла машин на перекрестке. Вдруг он в ужасе видит в одной из них собственного папу, но совсем не с мамой. Отец тоже видит его и тоже в ужасе: "Ты же должен быть на уроках!". На что сын отвечает: "А ты — в командировке!". Из неловкой ситуации выход в конце концов находит мальчик: "Значит так, папа, я тебя не видел, и ты меня не видел". Дает ему 50 тысяч рублей и уходит.

— Кто кому?

— Мальчик отцу. Вот такая история. Пользуется у взрослых жуткой популярностью. Но я очень внимательно слежу за тем, чтобы у нас даже намека на какую-то сальность не было. Я готов пошутить в своей компании и вообще считаю, что без дурацких анекдотов жить было бы скучнее, но звучать они должны в очень узкой компании. У нас есть и "опасные" сюжеты. Очень строгая учительница на контрольной следит за тем, чтобы никто не списывал. И вдруг она видит, как мальчик кладет девочке руку на колено, сдвигает ей юбку... И когда учительница уже готова заорать диким голосом, мальчик наконец находит на испытанных коленках девочки нужные ему формулы... У меня этот сюжет четыре года лежал на уровне сценария, и я его не снимал, боялся, что отдает похабщиной. Или такой у нас есть сюжет. Мальчик ночью вынимает огромный бинокль и подглядывает, как девочка раздевается. В последнюю секунду девочка дергает штору, штора падает, а на ней большими буквами написано: "Спокойной ночи тебе, Коля".

— Борис, а вы сами на какой литературе выросли? В какой культурной среде формировали свои вкусы?

— Я счастлив тем, что вырос практически без телевизора, зато с огромным количеством книг, потому что моя мама была библиотекарем. Взрослым я пожалел о том, что читал все подряд. Потому что, перечитывая вновь книги своего детства, вдруг выяснил, что у меня произошла мощная переоценка ценностей. Моя любимая книжка в подростковом возрасте была "Красное и черное". И я все время старался поступать, как Жюльен Сорель.

— Совращать чужих жен?

— Ну, я этого не говорил. Он мне был интересен как фигура. Д'Артаньян мне был менее интересен, зато граф Монте-Кристо был вообще моим любимым супергероем. И хотя я очень добрый человек, мне ужасно нравилось, как он по-иезуитски мстит врачам, того заслуживающим.

— Вы продюсер и художественный руководитель "Ералаша", а сюжеты сами придумываете?

— Иногда. Один даже самостоятельно снял. Но потом понял, что так можно потерять самокритичность. Поэтому я даже нехожу на съемку, хотя разработкой сюжетов мы занимаемся вместе с режиссерами.

— По-моему, вы очень оптимистичный человек и смотрите в будущее без печальных прогнозов.

— Я иногда сочинаю всякие дурацкие фразы. Что-то улетучивается, а что-то запоминается. Например: "Да ты не расстраивайся, все будет еще хуже". Сейчас стал заносить их в свой компьютер, чтоб не забыть: "Не так страшен черт, как его Малевич". Вот дал себе задание сдать кровь на анализ мочи. И еще подумал про себя, что я скажу не-богат. А вот очень украинская фамилия: Панас Эрделтьереко. Это уж такой профессиональный взгляд: всегда прикидываешь — можно ли из того или из этого что-нибудь смешное сделать? Ведь мир уцелел потому, что смеялся. Впрочем, все это давно известно...

Беседовала
Алла СМЕХОВА.